

Антропологические условия восприятия

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездой говорит

М.Ю.Лермонтов

Взгляни-ка на дорогу! Кого ты там видишь?
Никого, — сказала Алиса.
Мне бы такое зрение! — заметил Король с
завистью. — Увидеть Никого!

Л.Кэррол

Если человек пожелает заглянуть за поверхность вещей, если его умственный взор воспламеняется страстным желанием рассмотреть детали мира, находящегося за своей видимой и обозримой пленкой, если ему до кровавого звона в ушах придется напрягать свой слух, чтобы услышать то, что находится за порогом слушания, если это желание обращается в навязчивую и, возможно, даже в параноидальную идею и переживается как страсть, несмотря на очевидную непреодолимость такой преграды, то несуразные и даже дикие видения, мысли, образы, шумы и звуки начинают роиться во всем его существе.

И чем непреодолимей предстает такая преграда, тем сильнее желание преодолеть ее, тем сильнее воспаляется сознание человека и горячится его мысль. Прямым размышлением эту преграду не одолеешь. Времена нынешней мысли не те. В качестве обходного маневра попробую изобразить наивность представления в стиле асерторических суждений.

Фантазии на темы глаза и слуха

Лев Шестов в своей статье о Достоевском поминает о многоглазом и глазастом ангеле смерти, который порой слетает к человеку, и в этот момент смертельного ужаса, бывает, фантазирует Шестов, ос-

тавляет человеку «еще два глаза из бесчисленных собственных глаз» для того, чтобы тот смог обрести кроме естественного зрения и зрение искусственное, чтобы он смог видеть, как видят существа из иных миров, чтобы смог увидеть свободно то, «что является, когда исчезает, и исчезает, когда является, чтоб человек смог увидеть точно, что есть жизнь, а что есть смерть, чтоб не путал он состояние жизни с состоянием сна. Этим двойным трансцендентным зрением были наделены, считал Шестов, и Гоголь, и Достоевский. Ангел смерти избирательно дарит некоторым способность видеть невидимое.

Для того, чтобы действительно увидеть пустыню, необходимо именно такое зрение, такие глаза для видения невидимого.

Но можно продолжить фантазию Шестова о том, что ангел смерти отдал из своих многочисленных глаз два своему избраннику, и даже вспомнить, что тот, кто диктует Иоанну книгу, кто есть Первый и Последний, во всех посланиях семи церквям заключает их точным адресом: «имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам...». Вспомнить и предположить, что этот, чье имя не произносится, уже наделил избранных точно направленным органом — «имеющий ухо», — т.е. особым органом, растущим прямо из сердечной мышцы. А может Первый-Последний в какой-то момент обращает сердце человеческое в непосредственное УХО, чтобы человек смог слышать всей своей плотью? Ведь в норме русского общения есть и такое выражение: «я весь внимание» (т.е. весь одно большое Ухо).

Именно такое Ухо необходимо, чтобы услышать пустыню как пространство, в котором есть не слышимое, но звучащее, чтобы воспринять то, что слышится, когда не звучит, и не звучит, когда слышится.

Но если глаз предназначен для пространства и есть органическая пульсация человека вовне, он дает человеку возможность выйти из себя, обратиться в летящий луч, то ухо предназначено для того, чтобы вобрать в себя то, что длится; оно предназначено для протяжения времени, для того, чтобы шум мира, лежащего вне человека, входил в него. Если Глаз открывает дверь мира объектного, то Ухо ловит и улавливает шум и звуки, раздающиеся за дверью этого объектного мира.

Глаз активен, он заставляет тело совершать деяния, он ведет и приводит к событиям, он вовлекает тело в события, он перемещает человека. Но эти события совершаются при выходе человека из себя, на выходе из своей антропосной субстанции.

Ухо пассивно, но может быть напряженным. И вбирая в себя шум времени, ведет к движению человека внутри него. В силу своей пассивности Ухо проводит мир объектного сквозь пленку — кожу — непосредственно в тело, в котором в результате такого

движения может произойти или происходит Событие изменения как обмен услышанного на кристаллизацию плоти, или Событие превращения как перемещения масс плоти внутри тела вокруг услышанного.

В силу своей природной активности Глаз не может быть в недеятельности, не может не-действовать. Глаз всегда в работе над простирающимся перед ним в течение всей жизни индивида. Для того, чтобы он не уставал, не портился, для того, чтобы глаз давал возможность человеку не выходить вовне, отдыхать от внешнего мира — ему природа подарила веки. Наличие век заставляет поставить вопрос: что видит глаз, когда веко закрывает его?

Глаз не видит Все, и это означает, что смотрящий луч гаснет, он отключается, может быть, на время, то есть Глаз попадает в состояние шока или обморока, в лучшем случае — засыпает. Фактически это всегда может быть временная, но смерть Глаза. Или... когда веко закрывает Глаз, он как бы поворачивается либо вверх и продолжает смотреть, но начинает смотреть внутрь головы, либо вниз и также продолжает смотреть, но начинает смотреть внутрь тела.

Ежедневная практика видения обнаруживает также наличие у Глаза не только физически материальных век, но и век не органофизических, нематериальных, которые за неимением более подходящего понятия можно было бы назвать **волевыми**. Этот метафорический эпитет достаточно точно обозначает ту идеальную природу этих век, в которой «мыслящему тростнику» нужно выразить существующие в слитном виде мысль и желание, мысль и волеизъявление, мысль-желание. Благодаря наличию этих век человек может включать Глаз как физический орган к смотрению и переключать его. Подобным же образом включается Глаз, способный к внутреннему зрению (т.е. метафизический) и переключается от фонового к целенаправленному и эйдетическому видению.

Нормальный, обычный взгляд — смотрение, рассматривание, схватывание взглядом, — целенаправлен. Но при этом мы еще часто упоминаем наличие «бокового зрения». Пространство «бокового зрения» Глаз не рассматривает, не всматривается в него, но тем не менее в смывом (размытом) виде видит его. Это пространство служит интерьером для Глаза-взгляда-взора и объекта его рассмотрения или наблюдения, составляет фон видимого, обозримого; этот фон в любую секунду сам может стать пространственной точкой, местом рассматривания. По-видимому, эйдетическое зрение, как видение воображаемого, само по себе возможно в силу действия волевых век. Во всяком случае образы парамнезии также свидетельствуют в пользу

наличия волевых век. И именно они, закрывая реальную конкретную цель рассматривания видимого мира, отключая «боковое зрение», выставляют шторы перед фоном видимого и одновременно включают деятельность Глаза по рассматриванию возможного.

Наличие волевых век для нашего Глаза (физического и метафизического) необходимый его элемент, поскольку он по природе активен, но ограничен масштабом, объемом и наполненностью окружающей его реальности. Для ориентирования себя в этом масштабе и объеме, поскольку у Глаза нет способности рассматривать одновременно, — в один и тот же квант времени целое и части (детали мира), — волевые веки дают Глазу возможность различения в мире и теле (натуральном, физическом, а не только метафизическом), а также проявления и осуществления своего «мыслеволия».

Метафизическому Глазу волевые веки дают возможность о-смотреть и рас-смотреть, наблюдать и направлять взгляд, перебирать умственно, стрелять (убивать) взглядом все те смыслы и содержание культуры, на которые устремлено или хочется устремить внутреннее видение.

Волевые веки необходимы Глазу и более всего присущи ему

Но если мы обратимся к способу жизни Уха, то и в фактуре физического и метафизического слышания, слуха есть нечто аналогичное волюнтаристическим векам Глаза. Более того, вполне определенно можно говорить и об очевидном наличии в органе слуха «**волевых**» приспособлений. В отличие от Глаза Ухо действительно пассивно. Ухо не есть луч, оно активно не бросает себя в мир; оно вбирает мир в себя. В принципе Ухо — орган ожидания. В мире, в реальности что-то происходит, движется, разворачивается; в нем свершаются события. Они не могут происходить в тишине. Абсолютная тишина — это отсутствие событий. В движении происходящего всегда есть побочный результат или сопровождение как необходимое условие, избыток происходящего. Это — шум. И орган ожидания — Ухо — ждет этот шум.

Но Ухо не только орган ожидания. Оно почти всегда в состоянии открытости и фактически является Входом, в отличие от Глаза, который-то больше является Вы-ходом. Ухо — это устье, отверстие, дверь для шума (и голоса), в нем есть нечто, что может закрывать и открывать эту дверь, т.е. аналогичное волевым векам Глаза. Это нечто можно назвать волевой заглушкой мембраны метафизического

Уха, поскольку есть нечто, что заставляет физическую барабанную перепонку среднего уха не воспринимать и в целом Уху не слышать тот шум, который человек не хочет слышать. У нормального физического Уха есть способность не слышать постоянный или периодически звучащий на одной ноте шум и слышать в этот же момент шум (звук), который человек хочет слышать. В известном феномене фонового звучания музыка звучит и может даже не раздражать слух человека, вслушивающегося, скажем, в данный момент в речь собеседника. Этот давно уже известный эффект фонового звучания и позволяет утверждать, что метафизическое Ухо обладает волевой заглушкой, посредством которой человек в определенной степени может регулировать направление своего слуха. Ведь часто человек слышит не слушая и слушает, но не слышит.

В Ухе (а в физическом — это нервные волокна) есть нечто, направляющее его по направлению к адресу шума (звука). Человек вслушивается, пытается на фоне тишины, или с-тронутого, чуть звучащего пространства, скажем, леса, расслышать то ли звук тревоги, опасности, то ли звук радости, смеха, речи, звук его специфического интереса. Для метафизического Уха тоже свойственна способность напряжения. Так человек способен услышать не только биение своего сердца, но он способен услышать (если захочет и сможет) голос Бога, шум космогонических событий, шум социокультурного пространства и «шум времени» так, как его слышал Осип Мандельштам. Мне представляется, что это также действие фантастической заглушки, которая, если нужно напрячь слух, «выставить Ухо», максимально открывает внутреннюю дверцу и удерживает эту тяжелую дверцу на весу, чтобы мембрана не трепетала, а находилась в состоянии замирания.

Напряженное Ухо — это максимально пустое Ухо, оно наполнено пустотой до краев и все замерло для вложения в него шума и звуков. В нем есть пустота сосуда. Разве не похоже происходящее в Ухе (мета- и физическом) на то, что «из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нем. Вот почему полезность (чего-либо) имеющегося зависит от пустоты» (Древнекитайская философия. Т. 1. С. 118). Пустота Уха предельна при напряжении слуха — недаром существует выражение «прочистите уши», чтобы слышать. Пустое Ухо максимально очищено от наступательных потоков информационного ила. Напрягаясь в очищении от ненужных сведений, ненужного знания, преобразуясь в максимально пустое, метафизическое Ухо одновременно становится максимально заполненным полнотой напряженности.

Пустое Ухо — не глухое. Глухое физическое ухо наполнено шумами, тресками, скрипами, а глухое метафизическое Ухо — это отсутствие слуха, это отсутствие того Уха, о котором сказано «имеющий ухо, да слышит».

Именно пустое, напряженное Ухо с необходимостью может, способно услышать пустыню.

Поскольку Ухо лишено внешней активности и в основном оно орган ожидания, оно — открытая дверь, устье, что принимает, поглощает, ущелье для вложения, то оно преимущественно женское в человеке. Заманивая, завлекая своей открытостью содержательные смыслы внешнего мира, которые в звуко-шуме с эйфорической возбужденностью падают в раковину физического Уха, проносятся по его каналам к среднему уху, через барабанную перепонку (мембрану) неудержимо тянутся, стремятся войти в магнитный, притягивающий, турбулентно-взвихренный поток, роящийся в улитке: физическое Ухо выполняет роль лона, владеющего знаками звуко-шумов, тем, что в него попало. Подобным же образом проявляются эротические свойства метафизического Уха, когда «слышат сердцем» и в него попадают в силу магнетизма происходящих в нем внутренних процессов знаки шумов внешнего мира, следы голоса, раздающегося вовне, в пустоте и пустыне, отголоски событий в жизни Глаза. И мета- и физическое Ухо эротогенно, но оно лишь проводник Эрота: недаром говорят, что женщины больше любят ушами, а мужчины — глазами, и механизм эротических свойств Уха блистательно развернул Э.Ростан в своем «Сирано де Бержераке». Но Ухо — сексуальный партнер не Глаза, а Голоса.

Безусловно, как Ухо по преимуществу женское в человеке, так и Глаз в нем преимущественно мужское. Известно, что зрение человека бинокулярно и его Глаз — это Глаз преследователя. Природа Глаза — агрессивность. Фалличность Глаза проявляется и видна в его свойстве быть Взглядом. И это есть указание на то, что Глаз не может быть пустым. Глаз всегда полон. Пустой глаз — это не Глаз, это кусок стекла, осколок зеркала. Глаз полон, поскольку он всегда Луч, который зажигает в Глазу пламя черного, красного или белого света, что рождает и соответствующий цветовой луч. Глаз — это стержень направленного пламени, цветовая стрела, которую посылает в мир, вовне свет.

Глаз может проникать, пронизать, быть острым лучом, стержнем, быть пронзительным. Глаз может быть тупым. Тупой Глаз — это луч обрубленный, с торцом, вылезшим наружу; Глаз может быть чистым, когда через его стекловидное тело видно, как в нем горит

огонь красного, зеленого, синего, черного или другого, но чистого цвета. Он может вспыхнуть или потухнуть, как гаснут глаза на склоне лет. Глаз может быть горячим, холодным, теплым, и поскольку он всегда сгущенный, текучий, движущийся стержень, в нем происходят события, события вглядывания, рассматривания, всматривания, взирания, события Взгляда. В этом, собственно, фалличность и властность Глаза, осуществляющего себя во Взгляде.

Если Ухо — орган ожидания, то Глаз — орган движения, перемещения, пронизания, проникновения. Если Ухо предназначено для улавливания окончания, завершения длительности периода, когда сталкиваются два объема времени (их столкновение и есть шум, звук), т.е. оно предназначено времени, то назначение Глаза — для пространства. Есть целый ряд свойств Уха, связанных с качеством шума, звука, голоса, с тональностью, с интонацией, тембром, их наполненностью витальными и энергетическими импульсами. И есть ряд свойств Глаза, связанных с цветом и светом, с красочностью мира, с расползанием света по деталям и преломлениям пространства. Об этом нужно говорить отдельно. Сейчас же замечу, что из приведенных ассерторических наивных фантазмов ясно, что Глаз хочет видеть, а Ухо желает слышать пустоту. Но как? На этот вопрос отвечает наличие у Глаза и Уха особого общего свойства — свойства миражирования. Даже когда нет пустоты, человек может видеть и слышать ее. Волевые веки при сильном желании закрывают глаза, «включают» Третий глаз, и человек визуализирует пространство, даже если оно заполнено. Более того, именно полное место волевые веки подвергают опустыниванию, поскольку закрывают Глаз, отключают реальность, и в появлении обнаружившегося Ничто метафизический Глаз начинает выстраивать видения. Известно, что эти свойства человека получили название галлюцинаций, которые дифференцируют на: зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные. Но здесь для меня важна не психология, а возможное содержание в движении сознания в Глазе и Ухе. Слуховые галлюцинации человека — это фактически способность Уха к миражированию временных периодов, это — (и здесь приходится воспользоваться очень неловким словом) аудиоизация Ухом времени, аудиоизация Ухом пустоты посредством действия волевой заглушки.

Тогда видится невидимое и слышится неслышимое.

Возможно, что страсть к миражированию пространства и времени лежит в основе влечения человека к наркотизму.

По-другому — способность к миражированию пространства и времени у человека выдает наличие у антропода страсти к Ничто, устремленность в Ничто и поскольку на этой грешной земле Ничто

более всего напоминает ПУСТЫНЯ, то миражирование Глазом и Ухом выдает страсть человека к заглядыванию в Пустыню, разглядыванию ее, слушанию ее, страсть к осмыслению Пустыни.

Медитации на темы пустоты

Если я задаюсь вопросом о пустоте, то передо мной сразу же возникает трудность, убивающая возможность: как описать неопи-сваемое? Разумеется, можно пустоту обговорить, наговорить, спон-танным потоком словесного недержания наболтать и затем набол-танное (или из массива наболтанного) записать. Но это вряд ли будет мышлением о пустоте, это скорее явится своеобразным монтажи-рованием словесного массива, разрезанного и склеенного таким обра-зом, чтобы в вербальных периодах отразилось и запечатлелось чув-ствование пустоты. Ведь наболтанное есть говорение, а говорить мысля, как правило, возможно и успешно удастся, когда есть воля к мысли, когда воля к мысли разворачивается в одномоментности с волей к артикулированию, когда есть конкретность (подробности и детальность) предмета говорения плюс наличие подлинного аурати-ческого слушателя, пустое сознание которого заряжено энергией втя-гивания, когда оно выявляется тем, что можно назвать эффектом воронки. Тогда место мысли располагается и обнаруживается на кон-чике языка, тщетно (или с успехом) бьющегося о стенку зубов. Но все же главное — это конкретность предмета, в данном случае пусто-ты. Однако в ней по определению нет конкретности. И тогда мы ее привязываем (и, к сожалению, как-то очерчиваем) к какой-либо, чаще всего произвольной, конкретике.

Мы начинаем говорить о пустоте сосуда (древний Восток и пре-жде всего Китай), о пустоте космоса (греки), о вакууме — пустоте без воздуха (латиняне) и о пустоте земли (люди Нового времени).

Прежде чем перейти к конкретному мышлению о пустоте, спрощу себя:

- можно ли увидеть или услышать Пустоту?
- как увидеть или услышать Пустоту?
- что можно увидеть или услышать от Пустоты?

Но когда приходит время отвечать на так неосторожно постав-ленные вопросы, разум пытается не согласовываться с очевиднос-тью, которая для первого же случая отвечает — увидеть Пустоту не-возможно. Поэтому зависть короля как нормального антропоида к зрению Алисы, которая «может видеть никого», вполне обоснована.

Если я заглядываю в пустой сосуд, пустую комнату, в любое пустое замкнутое пространство, в «пустое место», я вижу его окоемые, его края, то, что обрубают, завершает длительность пустоты. Чтобы Глаз видел, луч из его хрусталика должен упираться в нечто плотное.

Когда я созерцаю Пустоту, я ее не вижу.

Глаз проникает, пронзает ее, летящей стрелой, лучом света из себя он заполняет Пустоту. Глаз собою исключает Пустоту как такую. А что же наш метафизический Глаз, Третий Глаз, обладающий волевым веком? И здесь нас ожидает полная аналогия: мета-Глаз также заполняет Пустоту трансцендентного собою, своим сверхчувственным лучом, заполняет ее образами запредельных переживаний и приходит к такому же результату видения.

Когда мета-Глаз видит Пустоту, он ее не видит.

В обоих случаях и Глаз, и мета-Глаз заполняет различные пустоты пространственными образами, в которые преломляется и развоплощается его световой луч.

Наш Глаз хочет, стремится видеть Пустоту, но поскольку он — Глаз преследователя, то он только может выискивать, следовать Взглядом за ч-е-м-л-и-б-о, т.е. нечто конкретное, нечто отдельное, нечто конечное, находящееся (или располагающееся) в безмерном, бесконечном. А безмерность — это и есть Пустота как пустое пространство. «Пространство как-то унижает», — заметил Розанов.

Но если в отношении Глаза очевидность невозможности увидеть Пустоту могла подвергнуться сомнению в силу того, что человеческий Глаз формировался когда-то как биологический инструмент, аппарат для **улавливания** света, то Ухо биологически всегда было предназначено и формировалось как аппарат для **улавливания** изменений во времени, улавливания шума и звука. Ухо, как мы знаем, орган ожидания, и вопрос — а может ли Ухо слышать Пустоту? — как раз и открывает поле содержательных поисков.

Здесь нет очевидности невозможного. Более того, на первый взгляд, Ухо и сопряжено с Пустотой. Пустота — сфера, океан Ничто, в котором Ухо бытует, живет. Без Пустоты Ухо как орган слуха, аппарат для улавливания шумо-звука, невозможно; без нее Ухо невозможно и как орган ожидания.

Однако что-то мешает сказать со всей определенностью, что Ухо слышит Пустоту. Ощувив это «мешающее что-то», задаешься вопросом — разве Ухо слышит Пустоту? То свое природное окружение, в котором живет? — Неизвестно и почти очевидно, что не слышит. Ухо ловит, улавливает то, что происходит в Пустоте, а не самое пустое.

Итак, оказывается, есть глухая и полная невозможность увидеть и услышать Пустоту. Эта невозможность есть и отсутствие какого-либо другого способа увидеть и услышать Пустоту.

И Глаз может увидеть в Пустоте Нечто (объемность и/или длительность).

И Ухо может услышать шумо-звуки происходящего в Пустоте.

Несмотря на то, что я упираюсь лбом Разума в эту тупую очевидность антропо-устройства Глаза и Уха, у меня все же остается неудовлетворенность желания увидеть и услышать Пустоту. Это неукротимое желание заглянуть за точку, эта неутоленная жажда услышать не-раздающееся заставляет постоянно искать другие косвенные не-прямые пути видения и слышания Пустоты как пустоты.

Но другие — это как? Ощутить всем телом, заставить кожу, лицо, всю плоть создать свои аппараты, инструменты ощущений и чувствований, уловить и обнаружить Пустоту как нечто, как предметность, схватывания ее как Пустоты, а не того, что в ней? Но антропоморфное устройство человека задает рамки невозможности в создании такого аппарата. И хитроумный Разум идет привычным банальным путем: раз невозможно впрямую, значит, следует попытаться увидеть и услышать Пустоту при помощи каких-нибудь приспособлений, органических, но во мне скрытых или же искусственных, сконструированных специально для такого постижения.

Одно из таких важнейших органических приспособлений уже есть в наличии у развитого мышления — это язык, семантически развитый и богатый. Разглядеть пустоту как предметность при его помощи (именно у-видеть ее) можно попробовать, заполняя Пустоту знаками других предметов не-пустоты. Уловить Пустоту как шумозвук (т.е. услышать ее) можно попробовать, погружаясь в фонетику конкретного языка, в данном случае русского, в то, что услышалось в русском языке и впечаталось в само конкретное слово: Пустота. И есть смысл попробовать слово «пустота» «на язык», «на губы», «на голос», в произнесении. Здесь я предлагаю читателю произвести наедине с собой следующий артикуляционный экзерсис.

ПУСТО-ТА

В этом слове конечный слог «-та» толкает к монотонному его повторению и тогда получается:

та-та-та-та-та-та-ПУСТО-та-та-та (теряется «П») — Уста-

та-та-та-та-та-Ус-та-та-та-та-

Ус — это растительность, ландшафт верхней губы.

Под Усом — провал, дыра, пропасть, в которую летишь, если с нее падаешь, и, задевая за уступы, кричишь:

та-та-та-та-та-та-...

Так возникают — УСТА.

Уста, вообще устье — вход, узкий проем между затвердевшими краями плоти. Но крик может ритмически организоваться:

та-та — та-та — та

та-та — та-та-та... — и здесь после последнего «-та» взрыв воздуха губами: П-П-П-П-У-Ух, — П-П-П-У-Ух. Прорвался Ух! дух! воздух! на устья, из уст. Уста соединились и взрывной, глухой согласный «П» при помощи «ух» обратился в «Пуст», и дальше снова: «-та»-та-та-та-Пусто-та...

В результате этого экзерсиса можно только сказать — ну и что? Разве все это как-то прояснило Пустоту? Разве удалось услышать ее? То, что удалось услышать, больше похоже на отражение Пустоты, ее эхо. Таких знаков можно насобирать достаточно много, смысл которых свидетельствует лишь о том, что Пустота есть некое устье, выделяющее из себя разнообразную предметность. Так, например: пуск — начало движения,

и пушка — орудие начала движения;

и даже Пушкин — начало движения русской литературы;

и выпушки — этакий китч Пустоты в одежде, мундирах, истечение ее избытка, в пошлость (ведь всякое благородство в своей избыточности обращается в пошлость).

Так прорыв духа/освобождение воздуха («п-п-п-у-ух») из основания Пустоты дал целый сонм синонимов свойств и жизни свободы как в семантическом плане, так и в реальной жизненной речевой практике:

— пуск —

— от-пуск-ать (на волю)

— вы-пуск-ать (из неволи)

— в-пуск-ать (загонять в неволю, в замкнутость)

— при-пуск-ать (чуть-чуть освободить. Выражаясь «по-досто-евски», это очень подлое слово, обозначающее — освободить не освобождая; подальше держаться от него, даже если «припускают» только овощи);

и есть — от-пуш-ение (грехов, когда освобождают душу от бремени преступления, проступков, поступков, отпускают душу на волю, очищают ее);

и есть прекрасное — вы-ПУСТ-ить и от-ПУСТ-ить.

Однако замечаю, что все эти знаки шумо-звука выявляются из горизонта «пустоты сосуда», когда есть смысл порожности, незанятости свободного в длительности места, т.е. из Пустоты, больше ощущаемой в рамках конфуцианской установки Пустоты (как Дао и Дао как Пустоты).

Но вслушиваюсь в Пустоту через ее фонетический знак — вербально огласованную единицу (Пустота), — выявленные доминанты ведут меня к визионерскому наполнению уловленного Ухом из монотонности Голоса, превращающего в речевой суггестивный поток одно слово Пусто-пустота. Оно и трансцендируется в постоянстве повторения, обретая энергетику запредельной витальности, аналогично религиозной практике при молитвословии, состоящей в многократном вбирании в себя Иисусовой молитвы или магического буддистского ОУМ.

Итак, здесь вычленяется из русской речевой практики:

– пустота — пустыня — пускать (деноминант к «пусто») — первоначальное значение: сделать пустым, незанятым, свободным;

– пустота: отсутствие содержимого;

– пустыня — пустынь, пустонное место, топос пустоты.

Так с-трансцендированный смысл приводит к пониманию, что уловленное Ухом, также как уловленное Глазом, есть уже не просто пустота сосуда, но есть Пустыня, как пустое пространство и как сгущение отсутствия. Стремление удовлетворить желание увидеть и услышать пустоту обращается в чувство и желание постичь ее хотя бы через Пустыню. Метафизическое Ухо выставляет заглушку и переводит желание узнать Пустыню из позиции ожидания в позицию агрессии, и таким образом Ухо передает свою неудовлетворенность Глазу. Вообще говоря, страсть постижения в человеке совершает сама по себе челночные движения, перемещаясь от женского к мужскому, от Инь к Ян и обратно по принципу того механизма «дзюн-гяку» (туда-обратно), который заложен в основе пульсирования жизни.

Пустыня в русском языке обозначает место отсутствия всего: вещей, предметов, живых существ и неживых и особенно место отсутствия антропоса, не только всякого гуманоида, но и вообще всякого витального существа. Пустыня есть место отсутствия бытия. Вдумаемся в это слово — ОТСУТСВИЕ. Во-первых, этот мощный отрицающий префикс «ОТ», который толкает взгляд назад, который предполагает и удаление, уход от данного места. Во-вторых, «ОТ» дает мощную суггестивную установку на счистку, очищение места, всего и всякого, как мелкого, так и крупного, всех деталей, вещей, предметиков, мельчайших существ, и глыб, составляющих основу места. И вот, в-третьих, взгляд видит и ухо слышит, что в этом месте нет **сути**, нет основ, нет этих глыб, нет существенности, нет содержания. Пустыня — это отсутствие содержания, содержательности. В пустыне нечему и некому Быть.

Пустыня есть только форма, голая форма.

И в ней отсутствует само бытие.

Но, может быть, в пустыне есть Бытие Ничто?

А форма — это хотя бы, по крайней мере, очертания, контуры.

Но, во-первых, если пустыня — отсутствие, — то в ней и отсутствие даже и Ничто. А, во-вторых, если отсутствие, то, следовательно, невозможно говорить о каком-либо «есть». В пустыне — только «нет». Пустыня — только форма.

Но если пустыня только форма, то в трансцендентальной конкретике она неопишуема. Тогда о пустыне можно сказать, что не о чем говорить. Ведь о форме не говорят. На нее можно лишь указать. Ее можно лишь назвать. И сама «пустыня» и есть только место отсутствия всего. И другими словами о форме пустыни можно лишь сказать:

Пустыня равна Месту.

Но у этой формы, значит, есть длительность и простираение. Собственно о-граничение длительности этого места и есть форма пустыни, границы очерчивают и обнаруживают форму простираения, опустынивания. И снаружи мы можем увидеть пустыню только как пустоту сосуда, в который мы заглядываем и рассматриваем. Но человеческий Глаз не может обозреть и тем более рассмотреть пустыню как пустоту сосуда. Это — прерогатива Бога; она подвластна лишь взгляду Бога, которому человек тщетно пытается уподобиться. В европейской пейзажной живописи, раскрывающей пространственность (изо- или преображающей его), практически любая картина пытается показать, представить Глазу и взгляду человека (зрителя) взгляд Бога, рассматривающего место пространства, подвергшееся властной акции взгляда Художника. Взгляд Художника пытается сымитировать и передать нам взгляд Бога. Если западный человек пытался заглянуть в Пустыню, то в восприятии человека Востока, о чем и свидетельствует китайская и японская живопись, ландшафта как самостоятельного природой выстроенного и обустроенного Места нет. Ландшафт в живописи Востока как предметность возникает из пустого пространства. И картины Н.Рериха — это фактически Глаз русского европейца в Азии. Можно предположить, что ощущение Пустыни и желание видеть ее как пустоту в античности было скорее с ощущением хаоса. Недаром древнегреческий «Хаос» прежде всего осмысливался как «разверстое пространство», «пустое протяжение», как бесконечное пустое мировое пространство. Человек находился внутри и даже, как часто он чувствовал, в центре Хаоса, в центре космической пустыни. Уже тогда он страстно искал Глаз Бога (или глаза какого-либо одного из божеств пантеона), ловил его взгляд. Может быть, установление близкой связи с богом, а на этом факти-

чески и строилась, и образовывалась тесная встреча взгляда человека и взгляда Бога, предоставляло возможность ощутить границы в Пустыне космоса. Встреча двоих «глаза в глаза» удостоверяла, что Бог «видит все», и его взгляд вполне обосновано и успокоительно очерчивал и замыкал разверстое пространство вселенной и служил гарантом не-покинутости Антропоса. И по мере обустройства Хаоса, сдвигения того взгляда, который человек считал взглядом Бога, человек начал заселять разверстое пространство вселенной земными предметами и вещами. Фактически человеческий Глаз вдруг обнаружил, что на пустом пространстве Земли уже есть места наполненные, не пустые, места ландшафта. Взгляд человека продолжал творить и создавать ландшафт в пустом топосе Земли. По мере роста знания о границах и ландшафтной полноте Земли здесь и там обнаруживались топосы не просто неизведанные, но свободные от обычной предметной очерченности, не заполненные тем, что уже в восприятии и сознании мыслилось уже как детальность и конкретика, образующие ландшафт.

Однако когда человеческий Глаз обнаруживает ландшафт как окружающую его среду, то вдруг оказывается, что Глаз может увязнуть в ландшафтном устройении, что страстная тоска к пустоте, видению и слышанию пустоты не умерла. Взгляд человека тогда обнаруживает, что кроме ландшафта есть незаполненные свободные пространства. Глаз человека в силу своей агрессивной природы начинает осваивать Пустыни земли, заглядывая в них и своим взглядом разрушая Пустыню как топос пустоты.